

Элла Чак

КАПЛЯ КРОВИ НА БУСИНЕ ДЗИ

ПРИЗВАТЬ НЕБОЖИТЕЛЯ, ЧТОБЫ НАЙТИ УБИЙЦУ

Элла Чак
Капля крови на бусине дзи
Серия «Багровая сакура.
Ориентальный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74324566
Капля крови на бусине дзи / Элла Чак: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-251824-9

Аннотация

Небожители и демоны в современном Китае.

Детективный триллер для поклонников китайской мифологии.

Призвать небожителя, чтобы найти убийцу.

Чжоу Шэнь – инспектор полиции в китайском мегаполисе. Когда-то ее старшего брата нашли мертвым при загадочных обстоятельствах, а единственной уликой стала исчезнувшая небесная реликвия – половина бусины дзи.

Годы спустя вместе со своей давней любовью, а ныне начальником, Шэнь расследует крайне жестокое убийство: молодую банкиршу пронзили насквозь стволом сосны. Полицейская подозревает, что столь страшная казнь не может быть сотворена руками человека.

В отчаянии она просит помощи у бога войны Гуань Юя, не ожидая, что... небожитель откликнется на ее зов. Но сможет

ли Шэнь принять помощь Гуань Юя после того, как узнает кровавую тайну, что вот уже две тысячи лет связывает ее, брата, возлюбленного и призванное ею божество?

Содержание

Пролог	9
Глава первая	13
Глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Элла Чак

Капля крови на бусине дзи

*Посвящается всем «половинкам»,
чья целостность сильнее любого целого,
а любовь – не поиск недостающей части,
а дар, которым можно осветить вселенную!*

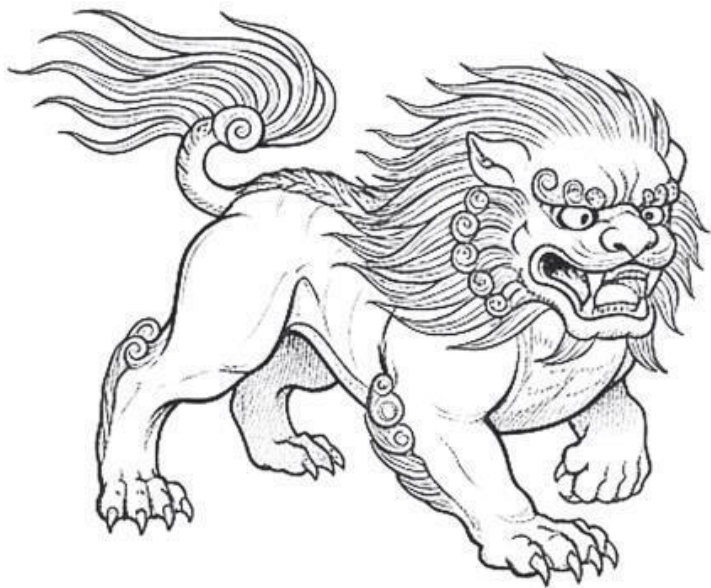
vv+e+m=wem

Серия «Багровая сакура. Ориентальный детектив»

© Чак Э., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Основные действующие лица

Чжоу Шэнь – полицейская, выросшая в деревне. Обладает сверхъестественной связью со шмелями.

Чжоу Юншэн – старший брат Шэнь.

Лян Фан – лучший друг Юншэна, позже капитан полиции и начальник Шэнь.

Отец Шэнь (Лао Чжоу) – фермер. Получил «небесные артефакты»: меч гуань дао, бусину дзи и чайный куст.

Хэй Лю – молодая банкирша из знатной семьи.

Госпожа Хэй – мать Хэй Лю. Холодная, высокомерная женщина.

Александр – учитель английского Хэй Лю.

Су Фу и Ма Линь – коллеги-криминалисты, скептически относящиеся к Шэнь и ее методам.

Хэ Чжэн – деревенский мальчик-пастух, потерявший козу.

Учитель (Шифу) – монах из храма Красного сверчка, знаток семидесяти стилей каменного боя.

Гуй – загадочный человек в черном, демон.

Мифологические и символические персонажи

Небесный шмель – символическое существо, олицетворяющее циклы времени и перерождения.

Маофэн – мистическое существо, объединяющее черты кота и шмеля.

Гуань Юй и Му Синь – бог и богиня войны, жившие в Поднебесной две тысячи лет назад.

Боевая фея Си – напарница бога войны, умеет превращаться в сверчка.

Алая мантия – чайный куст, обладающий душой.

Бусина дзи – черная половинка с иероглифами «Маоф-

ЭН».

Гуань дао – древний меч Зеленый дракон, упавший с неба.

Красные сверчки – насекомые-проводники между мирами.

Пролог

Чуть позже

Они нашли ее на рассвете. Дети из деревни, гонявшиеся за сбежавшей козой, приняли тело за пугало – странную, надутую куклу, насаженную на ветки высокой сосны. Но это не было пугалом. Это была молодая женщина по имени Хэй Лю – банкирша из богатого района и знатной семьи, чья жизнь оборвалась внезапно, а смерть ее была страшной и загадоч-

ной.

Ее тело, лишенное одежды, стало частью дерева. Не повешенное на ветвях, а пронзенное ими снизу вверх, от самых корней до макушки, с ужасающей, невозможной скоростью и точностью. Дерево, стремящееся к небу, могло стать для души мостом к Небесам, но превратилось для Хэй Лю в копье, пригвоздившее ее к земле.

Дело Хэй Лю оказалось первым в моей практике на службе в полиции и не последним в череде дальнейших ужасных преступлений: на моих глазах теневые сколопендры вскрывали изнутри человеческие грудные клетки.

Я могла стрелять, могла использовать рукопашный бой, но каким оружием я должна сражаться с демоническими сущностями? Закапываясь в дело, я впустила в наш мир силы прошлого и призвала бога войны.

Изучая мифы и легенды Поднебесной, я преклонялась пред богами, но только до тех пор, пока не осталась в этом мире одна. Мое рождение и без того оказалось сражением за право оказаться на этом свете, и как бы тяжело мне ни было в детстве, в двадцать лет я осталась без семьи.

Из всех нажитых богатств – три небесных артефакта, посланных отцу в дни его отчаяния и неистовой мольбы о спасении рода. Возможно, потеря близких стала расплатой за дары, но важнее всего, что полученные отцом предметы оказались для меня уликами, не давая забыть – цена за дары всегда превысит пользу от полученных благ.

Становилось все очевиднее, что дело Хэй Лю, дары с неба, демоны и боги, необъяснимые смерти, монахи, красные сверчки и даже моя собственная жизнь — все это цикл круга небесного шмеля, внутри колец которого случаются перерождения тех, кто получает второй шанс для исправления своих ошибок.

Шмели появлялись в мифах и древних сказаниях, но у меня с ними была особенная связь, из-за которой кто-то считал меня «не от мира сего».

Что ж, возможно, так оно и было. На месте смерти Хэй Лю я еще не знала, кто она. Как связана со мной? Кто ее убил и за что?

Чуть позже мне предстоит перестать использовать рациональный ум полицейской и вспомнить о том, кем я была в раннем детстве: что умела видеть и во что верила, пока не получила «волшебный пендель» небожителя, которому неистово взмолилась в день наивысшего отчаяния.

Именно тогда начнется мое земное и небесное расследование. И я не остановлюсь, пока не найду способ разгадать секрет демона и бога, став не ответом к древней тайне, а кузнцом, который выковал замок и ключ к случившемуся две тысячи лет назад. Древние свитки и мудрые книги научили меня помнить о том, что демоны разбитых человеческих сердец страшнее демонов из преисподней.

Хэй Лю погибла, узнав тот секрет. Она была успешной, умной и отчаянно жаждущей знаний о прошлом своего рода,

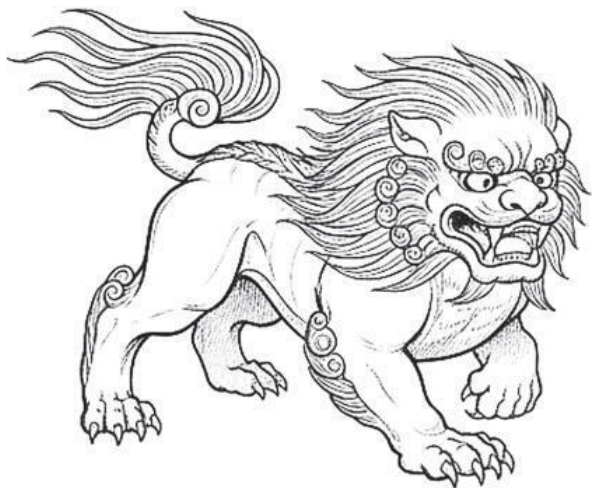
но всего лишь человеком. Когда сражаешься с демонами и небожителями, нужно быть кем угодно, но *не живой*.

Теперь проверим, насколько я готова пройти тот же путь, что прошла Хэй Лю, и не потерять единственного дорогого для меня друга и напарника – капитана полиции по имени Лян Фан, несмотря на протест бога войны, который знает про нас с капитаном больше, чем мы сами.

Что-то, что случилось две тысячи лет тому назад внутри колец небесного шмеля.

Глава первая

Чуть раньше. Половина странной девочки

Мы все половинки. Но когда одна половинка протягивает руку другой, рождается целое.

Я не была рождена наследницей богов или избранной воительницей – наоборот. Мое рождение принесло семье много горя.

В семье уже был сын – отцовская гордость и продолжение его рода, – мой брат по имени Чжоу Юншэн. Никто не ждал и не планировал второго ребенка, рождение которого запрещал в те годы закон, и чтобы я смогла увидеть свет, отец сделал невозможное, сумев собрать денег в уплату штрафа за право рождения второго дитя.

Без последствий не обошлось, ведь взять денег деревенскому фермеру было негде, и отцу пришлось обратиться в медучреждение, став добровольным донором органов.

Он продал почку. Денег хватило, чтобы матери позволили родить. К их второму разочарованию, на свет появилась девочка, а не мальчик. Девочек и за людей-то не считали, называя нас «половинками». «Половина девочки» – так отвечали родители в нашей стране на вопрос, когда их спрашивали – кто родился. К тому же, взрослея и демонстрируя... странное поведение, я не становилась популярней и любимей.

Девочка, за которую заплатили непосильную плату, да еще со странностями. Мой небесный шмель точно было золотисто-черным? Пока все, что я видела, казалось окрашенным в нефритовый туман с серыми бесцветными кляксами тех дней, когда я не получала отцовских розог или других наказаний.

В шмеля можно верить, как верила я, изучая древние

свитки, мифы, легенды, сказания, притчи и былины Поднебесной и ее древней империи. А можно все отрицать, как делал мой брат Юншэн, выбрав веру в фундаментальную науку, а не в магию и силу богов.

В легенде, которую я прочитала на заплесневелом древнем свитке, погребенном в иле возле берегов реки Янцзы и найденном мной, говорилось, что совершенно все мироустройство времени подчиняется небесному шмелю, его золотисто-черным кольцам, и, переходя с одного на другое, мы проживаем счастливые времена или трагичные, пытаясь заслужить право нового перерождения.

Оберегая историю страны и крупницы знаний о прошлом, прочитав легенду, я сдала свиток в библиотеку. Ну как сдала, подкинула, чтобы никто не решил меня допрашивать: ukrала я его или нет, откуда он вообще взялся.

Наше с Юншэном детство прошло в деревне среди рапсовых полей, серых пасущихся коз, земляных дорог и тропинок совсем недалеко от бурлящих вод Янцзы с храмами-близнецами, выстроенными на скалах по обеим сторонам реки. Отправляясь к Янцзы за глиной, чтобы слепить из нее чайных божков и заработать пару монет, продавая изделия на рынке, я чувствовала связь с землей, по которой ступала босыми ногами.

И связь та была... нехорошей. Опасной. Острой. Ледяной и колючей, от чего я вздрагивала, будто шагаю не по теплому рапсу, а по ледяной глыбе с воткнутыми в нее иглами и би-

тым стеклом, но и не ходить к Янцзы я не могла. Мне нужна была глина, а еще по необъяснимой причине меня тянуло в сторону реки, куда я бежала, не останавливаясь, через рапсовое поле, пугая серые стада пасущихся коз и золотистые стайки шмелей.

Эти места манили, но не волшебством пейзажей и гармонией умиротворения от стрекота тысяч сверчков перед закатом; меня тянуло в поле и к реке словно маньяка, решившего взглянуть на место совершенного им преступления.

Еще бы меня не считали странной. То с листьями чайных кустов болтаю, то глажу шубки шмелей, покрывших всю мою руку от кончиков пальцев до плеча, то как угорелая несусь сквозь поле, перепрыгивая через серых коз. В деревне меня считали слабой и больной (ведь знаки были), считая, что не зря отец постоянно лупит розгами и палкой «половину девочки», может, хоть выбьет половину всей ее дури!

День, когда моя трудная жизнь окончательно превратилась в одно сплошное несчастье, начался в библиотеке. Именно в той, куда я подбросила свиток и где меня знал каждый сотрудник.

Я уставилась на необычную фреску за стеклом – это был новый экспонат, пока сотрудница проверяла наличие нужных мне свитков и книг из перечня. Фреска походила на отпечаток человеческого тела, оставленный на золотой стене. Вместе с куском стены фреску поместили в раму, а на контурах изображения легко просматривался силуэт женщины

с широкими рукавами платья на ее расставленных в стороны руках и торчащими во все стороны длинными локонами.

Будто неведомая сила впечатала женщину в стену, и тот отпечаток оставила душа несчастной, что покинула тело.

У меня похолодели руки, а по спине пробежался рой красных сверчков, от чего тело прошило судорогой, и служительница недовольно покосилась на «дерганую» и впечатлительную юную читательницу.

– Очень древняя реликвия, – продолжала она, перелистывая карточки вручную, – нашей библиотеке повезло, что господа Хэй даровала нам такой щедрый дар. Вон, читай! – ткнула она в табличку под фреской.

Надпись на табличке под экспонатом гласила: *«Императорский дворец, 200 год нашей эры, неизвестное происхождение печати, возможно, выполненной в технике гунби¹. Патронаж музейного комплекса древних изысканий и археологии под руководством династии Хэй».*

– Это не техника гунби, – пробубнила я, протянув руку к недавно появившейся фреске.

– Руки прочь от стекла! – буркнула сотрудница. – Ты что, знаток древней живописи? Дочь госпожи Хэй привезла экспонат нам лично. Ее заключение оспаривать не смей! – Сотрудница оценила меня рыскающим взглядом, делая вывод,

¹ Техника Гунби (кит. 皴) – стиль традиционной китайской живописи, в переводе означающий «тщательная кисть», 206–220 гг. н. э. Отличается четкой прорисовкой границ рисунка.

что мне далеко и до упомянутой госпожи Хэй из-за очевидно невысокого социального статуса, и до искусствоведа в силу юного возраста.

– Нужных тебе книг нет, девочка!

– Ни одной?

– Желтоволоосый иностранец их не вернул до сих пор.

Приходи через месяц. А лучше через полгода.

Иностранцам всегда была интересна культура нашей древней страны. Юншэн и тот восхищался приезжим желтоволоосым преподавателем из университета, который вел лекции по международной политике. Брат частенько цитировал в своих ко мне письмах лектора, удивляясь начитанности лаовая².

Расстроенная, что мне не достались книги, я вернулась в деревенский дом и побежала в поле. По дороге заметила что-то странное: рой шмелей поднялся с золотых соцветий рапса и выстроился двойной спиралью. Юншэн назвал бы ее ДНК, а я называла лестницей в небо.

Но... для кого были эти ступеньки?

Кто собрался покинуть мир и отправиться к богам?

Резко обернувшись, я пыталась рассмотреть отчий дом. Мама, отец? После операции по удалению почки он часто и много болел, возможно, что-то с ним случилось, пока я

² Лаовай (кит. ##) – слово, которое буквально означает «иностранец» и используется для обозначения людей из других стран, особенно европейской внешности.

выбирала книги?

Ноги понесли меня не в сторону дома, а в сторону небесной лестницы. Шмели никогда не боялись меня и не улетали, если я прикасалась к ним, а мне их теплые мягкие шкурки давали чувство успокоения и нежности, какой-то только нам понятной нужности друг другу.

Для всех они были букашками, какой была и я для своей семьи.

Стоит мне оказаться в центре спирали, и я узнаю точно – чья душа уходит в небо и почему шмели решили мне об этом сообщить. Оставался всего шаг, но сделать его я не могла, чувствуя, как по щекам капаят слезы.

– Шэнь! – услышала я голос лучшего друга моего брата по имени Лян Фан.

Фан был еще только точкой на горизонте поля, и пока он не распугал шмелей, я сделала шаг сквозь расступившийся жужжащий строй.

Внутри воронки самый толстый и пушистый шмель с круглой мордочкой, так похожей на мордочку кота, опустился в центр моего лба.

– Маофэн³... – Я прикоснулась к шмелю. – Это ты?

Котошмель опустил голову, прижимаясь мордочкой к моему лбу, но новый крик Фана распугал насекомых, оставив меня заплаканную с поднятыми к небу руками.

– Шэнь! – Запыхавшийся Фан приблизился ко мне. Лицо

³ Маофэн (кит. ##) – «КОТ-пчела».

его было белее риса, губы распахнуты. Он не знал, как сказать мне то, что навсегда изменит мою судьбу, – случилась трагедия, Шэнь... Мне очень жаль, но...

– Знаю. – Я обернулась к Фану, избавив его от необходимости сообщить мне дурную весть. – Мой брат. Он ушел по лестнице в небо. Юншэна... больше нет.

– И еще, – Фан сделал глубокий выдох, – божественной бусины дзи – тоже нет. Она исчезла.

Половинка бусины, о которой говорил Фан, появилась в нашей семье вместе с другими небесными артефактами, когда отец был на грани отчаяния. Он только что заплатил взнос за право родить второго ребенка, испытывал хроническую боль, лишившись почки, но был вынужден тяжело работать на земле, страдающей от засухи, и ковать мечи, которые отказывался продавать, считая их недостойными творениями.

Молясь богам, отец падал ниц, царапая кожу у себя на лбу. Он молился о дожде, о знаке, о напутствии – что ему делать и как прокормить семью. Соленые слезы и горячая кровь фермера напитывали землю вокруг пересохшей в тот год Янцзы. Боги услышали молитву и отправили ему свои дары: древний меч, половинку бусины дзи и чайные листья с алыми прожилками.

Вместо капель влаги в центр отцовского лба, прямо в его выбитую усердной молитвой рану, упала нефритовая буси-

на. Хорошо, что не задело лезвием гуань дао, рухнувшим рядом, лишь припорошило охапкой чайных листьев с алыми прожилками.

Бусина была черной половинкой, которой не хватало второй части. Ее покрывали символы древних иероглифов с алыми крапинками. Отец знал, что красные точки в бусине дзи говорят о содержании в камне железа, но только не в этом.

Бусина в руках отца сохранила капли крови.

Не зная, что делать, отец сунул ее в рот, чтобы смыть грязь и сразу же ощутил, что бусин стало две. Достав их, он понял, что бусина была всего лишь тайником – оболочкой для хранившегося внутри нее семечка.

Отец понял, что так выглядит семя чайного куста, вот только сажать их нужно свежими в подготовленный грунт, а не в шедшую трещинами землю, как сейчас.

Он подобрал меч гуань дао⁴, собрал все до последнего листочка. Бусину и семечко чайного куста не выпускал изо рта, пока ковылял домой, держась за недавно прооперированный и еще не окончательно заживший бок.

Сунув семечко в рот, отец напитал его влагой собственного тела, продержав его так сорок восемь часов, пока таскал с реки воду, соединял дерн, гравий, перегной и торф, и, ко-

⁴ Гуань дао (##) – традиционное холодное оружие в Китае, похожее на алебарду. Состоит из длинной рукояти (деревянной или металлической) и изогнутого клинка. Масса 2–5 кг, длина 2 метра. Названо в честь легендарного генерала Гуань Юя.

гда все было готово, он опустил семечко в неглубокую ямку, прочитал молитву, прося о плодородности почвы, а на утро обнаружил шесть всходов.

Семечко одно, а кустов выросло ровно шесть и ни одного более.

В провинции Фуцзянь в горах Уи производят чай улун, что носит название «Большой красный халат»⁵. Тот чай за килограмм веса оценивается в сумму выше миллиона долларов, ведь за сезон срывают всего четыре зеленых листа с каждого куста.

Свой чай отец назвал Алой мантией⁶ и часто приговаривал, что только его кусты искрятся алым, хоть никто из тех, кто слушал байки отца и даже приходил к кустам, не застал подобного чуда. Как и отец, переставший звать гостей. Если и было в кустах что-то божественное, то открываться другим чай не торопился.

Отец боготворил дары, считая рухнувшие на него артефакты посланием небожителей: бусина, меч и чайный куст помогли нашей семье справиться в тяжелое время и выжить, но ради чего? Чтобы куст рисовал кровью брата на своих листочках, а половинка бусины пропала с зажатой в кулаке Юншэна бечевки?

Что это за проклятое спасение – и кто даровал такие испытания отцу?! Тоже мне! Помощь небожителей!

⁵ Да Хун Пао (###) – улун средней ферментации.

⁶ Черный сорт чая в Китае называют красным чаем.

Я ненавидела артефакты, еще не зная, что имею к ним самое прямое отношение.

Долгие годы отец пытался выковать меч, похожий на рухнувший гуань дао, но у него получались жалкие реплики. Отличные, по мнению всех остальных, но никудышные, по мнению создателя. Не тот сплав, не тот нефрит, не та рукоять и даже шелк для алых лент тоже оказывался не тем! Спрятав артефакт в прозрачный саркофаг, отец никому не позволял доставать оружие или прикасаться к нему. Свои реплики гуань дао он ненавидел и потому переключился на создание глиняных кувшинов и склеивание зонтиков из бамбука и рисовой бумаги.

Мама рассказывала, что в роду Чжоу когда-то были лучшие кузнецы и гончары, прославившие фамилию на века. В нашем кольце времени дар древних не передался ни отцу, ни брату. Юншэн ничего не понимал в работе на земле или с металлом и вылепить из глины мог разве что «навозные» шарики для жуков – так обозвал Фан поделки брата, когда тот в первый и последний раз работал с глиной, добытой мной с берегов Янцзы.

А вот в моих руках глина будто бы оживала. Чайные божки, которых я лепила, не используя инструменты (они стоили денег, а на меня отец не тратился), а только бамбуковые палочки, камушки и осколки ракушек, приносили мне немного денег, которых хватало на проезд до библиотеки и обратно,

если у меня заканчивались книги.

К сожалению, именно слепленный мной чайный божок в виде котошмеля стал причиной ссоры отца и брата и началом конца рода Чжоу. В тот день Юншэн высказал все, что думает, но после того больше не мог оставаться в отчем доме. Мне было десять, а Юншэну пятнадцать, когда брат ушел из семьи. Он сбежал, и мы не знали, куда, как его искать и где.

Изредка я получала от брата короткие письма, в которых он сообщал, что работает и учится, но просил не искать его.

Лян Фан помог Юншэну, устроив его временно на подработку к родственникам, торгующим лапшой в лавке. Фан был хорошим другом брату и не выдал его местонахождение. Все, что мне оставалось, – верить словам Фана, что с Юншэном все хорошо, и с нетерпением ждать следующего письма.

И я верила.

Я всегда была немного влюблена в друга брата, мечтая, что, когда мы вырастем, Фан и Юншэн поступят на работу в полицию, о которой мечтали, а я буду работать в библиотеке и брать любые книги, когда только захочу, быстрее любого желтоволосого иностранца.

Мечту брата пришлось исполнить мне.

Я стала полицейской, а Фан – моим начальником. К тому времени мы уже не понимали – кто мы друг другу? Друзья, коллеги, названные брат и сестра? Но кем мы так и не стали, так это парой. Сколько бы шагов к сближению ни предпринимала, я словно бы отпугивала Фана. Чувствуя его взгляды,

его участие в моей судьбе, покровительство и заботу, я давала Фану тысячи шансов, но, приближаясь к нему, замечала, как взгляд его становится расфокусированным и он будто перестает меня видеть.

Улыбка с его губ спадала, на виске могла проступить капля пота. Фан начинал нести какой-то бред, шутить не в тему, и я поскорее отстранялась от него, опасаясь, что мы превратимся в совершенно чужих.

С Алой мантией – кустом, который вырос из семечка, найденного отцом внутри бусины дзи, у меня были куда более близкие отношения, чем с парнем, не выходящим из головы.

Алая мантия умела слушать и слышать. Я замечала неслучайные прикосновения листьев, а узоры красной стороны листа рассказывали мифы и легенды, складываясь картинками, о которых я никогда не читала и не слышала: о смелом воине и прекрасной девушке на берегу пруда, о шмелях и танцующем в бою монахе с головой, покрытой острыми длинными шипами, о красном сверчке, превращающемся в боевую фею.

В вечер, когда Юншэн поссорился с отцом, мы заваривали наш семейный чай.

За неделю до этого я слепила своего лучшего чайного божка – наполовину кота, наполовину шмеля. Шубка его была будто бы пушистой, хоть и глиняной, столь филигранно мне удалось передать структуру черно-золотых колец.

– Маофэн. – Я улыбнулась чайному божку.

Я назвала его так, соединив два иероглифа «кот» и «шмель». Я не придумала имя, мне удалось прочитать древние иероглифы на стертой стороне бусины дзи. Отец не старался расшифровать надпись, Юншэн быстро остыл в решении задачи, сколько ни вычислял математически нужные символы, а мне та надпись открылась сразу, еще и будто подсветилась алым светом.

Опасаясь гнева отца, я не прикасалась к бусине и никому не рассказала о расшифрованных иероглифах. К тому же ничего особенного они не значили. Всего два слова: кот и шмель – Маофэн.

Но стоило произнести это имя вслух, как половинка черной бусины на подставке для артефактов засветилась. Не смея прикоснуться к ней среди статуэток небожителей, я шла к свету, все ближе и ближе, пока луч не вспыхнул и не ударил мне по глазам, и вокруг тут же запрыгали черно-золотые мушки, а может быть, шмели.

Всего на секундочку я успела узреть огромное насекомое, размером с планету, сотканное из яркого дыма и золотого тумана, повисшее посреди галактических скоплений. Это было настолько волшебнно, ужасно и прекрасно, что детская психика «замкнулась» и я до конца дня не произнесла ни слова, оставаясь первой в рейтинге тем для сплетен и подтвердив предположения соседей, что у меня не все в порядке с головой («А отец настрадался! Отдал почку, чтобы эта дурочка жила!» – вот что я слышала иной раз, прячась за овощным

прилавком).

– Искрило семечко алым светом! – рассказывал отец историю посадки чайного куста в сотый раз, и в сотый раз обращался только к брату, не замечая меня. – Из семечка к небу искры поднялись. Все у нас есть теперь. Сын есть, дом есть, работа есть. И вера есть в помощь богов. И тебе, старший сын, – он посмотрел на Юншэна, – предстоит перенять мое наследие и чтить традиции.

Брату было пятнадцать. Он уставился под ноги, нахмурился и молчал, стараясь не пересекаться с отцом взглядом.

– Я тоже буду хранить традиции, – тихо напомнила я о своем существовании.

– Ты? – Я не удостоилась взгляда. – Твоя задача выйти замуж, и побыстрее. Женили ведь когда-то в тринадцать! Эх, вот и мы так могли!

– Сяо, дочери только десять, – напомнила ему мама.

– А лопает, как тринадцатилетняя!

Мы жили богато по меркам деревни и нашей провинции, но даже в условиях изобилия меня кормили взвешенными стандартными порциями риса и курицы или супа, если только брат не делился втайне чем-то вкусным, но даже съеденные мной крохи расстраивали отца лишними тратами. Он вздернул рубаху и продемонстрировал кривой шрам, оставшийся после извлечения почки, которым часто пугал меня, не давая забыть, что сделал, пока жизнь подчинялась прави-

лу: «одна семья – один ребенок»⁷.

– Не надо. – Брат закрыл меня своей спиной. – Ей страшно. Она еще маленькая.

– А ты нет! Ты становишься взрослым, сын. Ты – моя гордость и мое счастливое будущее!

Я знала, какой секрет таит старший брат и почему он грустит. Он мечтал не о фермерском труде, а об учебе в университете вместе с Фаном, чтобы поступить на службу в полицию.

Отец обдавал посуду кипятком и окроплял глиняные фигурки чайных божеств.

Стараясь не привлекать внимания, я подсунула к другим божкам Маофэна, чтобы ему тоже досталось немного чая.

Я никогда не просила для себя: ни еды, ни воды. Но мне казалось очень важным напоить Маофэна. Пусть он и был из глины, но любил меня и позволял обнимать его, в отличие от матери, которая винила себя, что родила второго ребенка, да еще не сына.

Отец обдавал кипятком всех чайных божеств, но только не слепого мной Маофэна.

Кипяток убегал в прорези доски-чабань, когда отец разливал напиток из гайваньки, придерживая ее разгоряченные бока алым полотенцем чабу. Он игнорировал Маофэна, как игнорировал меня... Коснувшись влаги в уголках своих глаз, я перенесла слезы на глиняную шерстку божка, чтобы среди

⁷ Закон, действовавший в Китае с 1979 по 2015 г.

других он не был обделен влагой, как я была обделена любовью среди других детей.

Если я была частью природы, как река, гора или небо, то мой брат родился городом, небоскребом, мостом. Он любил инженерное дело, математику, химию и физику.

– Я не такой, как ты, отец, – хмурился Юншэн, – не фермер, не гончар, не кузнец. Земля не любит меня, она любит младшую сестру.

Никогда я не любила брата сильнее, чем в тот момент, когда он хвалил меня перед отцом.

Расплываясь от счастья в улыбке, я перевела взгляд на кипяток из родниковой воды, который снова достиг температуры в девяносто пять градусов, и тут что-то красное взмыло над обожженной свежим проливом заваркой. Что-то крошечное, словно искра от костра.

– Искорка, вон там! Вон их сколько!

Мама обернулась через плечо и быстро окинула стол взглядом.

Отец попросту отмахнулся:

– Жена, уведи отсюда дочь!

– Идем, Ан-Ан, – позвала меня мама молочным именем.

– Нет! – сопротивлялась я, схватив божка. – Если бы ты окропил божество-Маофэна, тоже увидел бы!

– А что, если она видит? – вступился брат, пока я упиралась.

– Если уж я не вижу. – Он почти уткнулся носом в чай-

ник. – Пусть не придумывает, пока палкой не огрел!

– Вон они! Вон! – Я тыкала пальцем в потолок, под которым собралась уже целая горсть красных бликов.

– Младшая дочь, – мать потянула меня за руку, – прекрати. Скажи, что ты все придумала!

– Я правду сказала!

– Она врёт! – Отец швырнул со злости отработанным жмыхом, не совладав с эмоциями. Если не было палки, мне прилетало подручными предметами. В этот раз теплыми чайными листочками, и я даже не расстроилась, зная, что Алая мантия слышит и видит меня. Она общается со мной, рисуя на листочках то, чего никогда не было.

– Перестань издеваться над ней! – вступился за меня Юншэн, подскакивая на ноги весь красный от злости, – я не стану фермером! Я окончу школу и поступлю учиться на полицейского в Народный университет общественной безопасности. Вместе с Лян Фаном. Его дед служит...

– Его дед, – перебил отец, – не твой! Его! Ты должен продолжить дело семьи Чжоу, а не Лян.

– Наука, отец, вот божество, в которое я верю. Если кто видит послания богов, то это Шэнь, а не я. У меня будет свое дело.

– Свое? – Отец словно не понимал, на каком диалекте говорит с ним сын. – Все твое – здесь, где семья и корни рода. Я против твоего решения! Что бы ты там ни выбрал – я против и благословения не даю! Так и знай! Без отцовско-

го благословения не видать тебе удачи! Останешься попрошайкой на улице с протянутой рукой, а ни монеты на тебя не потрачу! Ни одной!

Не выдав ни одной эмоции, Юншэн ответил:

– Значит, я проживу и так. Без твоего благословения, но это будет мой выбор, а не твой. И запомни, – он посмотрел на меня, – узнаю, что ты продолжаешь бить Шэнь, я... – а после покосился в сторону кузницы, – научусь биться с гуань дао.

– Сию, ну что с тобой! Он наш сын! – разнервничалась мать. – Не говори такое! Не тебе его благословлять. – Она разрывалась между сыном и мужем. – Пусть это сделают боги!

– Только мне, – отец ударил кулаком по столу, – он мой сын и сделает, как я велю! Его жизнь в моих руках, а не в руках богов!

Я не слушала отца, прижимая к себе глиняную поделку, прячась за ней, как за единственным другом.

Отец повернулся, выхватил Маофэна и швырнул им об стену. Пушистый котошмель разлетелся на несколько кусочков. Я кричала и рыдала, словно отец оторвал голову моему домашнему котенку только за то, что его приласкала именно я.

Отец возвышался надо мной, пиная ногами остатки Маофэна, увлажненного моими слезами, и кричал:

– «Одна семья – один ребенок»! У меня был сын! Уже был! А тут... ты! Я продал все, что мог. Пожертвовал почкой

и своим здоровьем. Заплатил восемь годовых окладов за тебя, за твою жизнь. Ты должна быть благодарной! Слушайся и молчи! Ничего ты не видишь! Ничего. Ты сама – ничто. Ты – пустое место!

Он хотел кричать на Юншэна, но не мог. Для битья всегда была под рукой «половина девочки», только в тот раз брат выдернул прут из рук отца, которым он успел рассечь мне кожу в кровь, и переломил оружие.

В тот день семья разделилась надвое.

Где-то там родители, а по другую сторону мы с Юншэном. После смерти брата семья продолжит сокращаться, пока я не останусь одна.

Только я.

Маофэн.

И Лян Фан.

Юншэн как мог успокаивал меня в детстве и оберегал, заступался перед взрослыми, если слышал, что кто-то меня обижает, и даже взял клятву с Фана, что тот будет приглядывать за мной, если ему... нужно будет уехать.

Не знаю, чувствовал ли брат, что ему отведено на жизнь всего двадцать лет. Иногда я видела грусть в его взгляде. Сколько бы он ни изучал математику, физику и химию, я знала, он верит мне. Верит, что Алая мантия «общается» со мной, верил, что шмели и земля Янцзы каким-то магическим образом слышат меня и способны откликнуться на зов.

Он и Лян Фан были моими защитниками, моими доблестными воинами. Парни понимали друг друга с полуслова, и, когда стали старше, оба поступили в Народный университет, решив посвятить жизнь давней мечте – служению в полиции.

Лян Фан получил диплом. Мой брат «получил» свидетельство о смерти, ставшей такой же загадкой, как артефакты отца. Не было подозреваемого, не было улик, не было никаких свидетелей. Никто не знал ответа на вопрос – кто и за что убил двадцатилетнего парня.

Отец, Фан и я знали, что Юншэн украл из дома половинку бусины дзи. Спустя несколько часов брат был уже мертв, а бусина исчезла, осталась только бечевка. Но бусина оказалась слабой зацепкой. В ее божественное происхождение следователи не верили. Мало ли что там привиделось больному старику, молившемуся под испепеляющим солнцем дни напролет! Нашел в земле сувенирную безделушку, которые по тысяче продают в каждой лавке, и уверовал в магическое происхождение.

Отец не стал спорить со следователем. Он боялся, что если покажет тому гуань дао в прозрачном саркофаге, то меч заберут на экспертизу и отдадут в музей, а его обвинят в воровстве и присвоении культурного достояния. Вот почему никто не смел заходить в кузницу.

Но мы с братом не единожды сумели нарушить тот запрет – столь притягательным был для нас меч и шесть его нефритовых колец. Рукоять из дерева, а на месте крепления лезвия

– алые ленты.

Юншэн бережно прикасался к прозрачному стеклу саркофага, шепча чуть слышно:

– Чайные кусты растут. Оружие – здесь. Осталось понять секрет бусины дзи, – заявил он, рассматривая светящуюся лунным светом сталь. – Когда вырасту, найду нужные книги и прочитаю иероглифы. Вот увидишь!

Я уже их прочитала, но это была тайна.

Слово звучало так же, как имя моего чайного божка: «Ма-офэн», но произносить его я не решалась.

Мифы мифами, жизнь жизнью.

Артефакты отца вот-вот нарушат неустойчивое равновесие на границе между Инь и Ян, разделяющей богов и смертных, но пока мне десять, пока мой брат жив, я предостерегала Юншэна.

– Не боишься? – Я держалась на шаг позади от Юншэна и стеклянного ящика. Если отец нас застукает, брата лишат одного десерта, а меня... скорее всего, выпорют тремя ударами палки. – Эти предметы выбросили с неба.

– Не выбросили, а послали! Это дары!

– Это могут быть улики. Ты же хочешь стать полицейским. Зачем кому-то швырять на голову отца дары?

– В ответ на его молитвы.

– Ты не веришь в такое, брат.

– Не верил, – кивнул мне Юншэн, – но чай спас семью от нищеты. Внутри бусины было семечко, из которого выросли

шесть кустов и ни одним больше. Алая мантия спасла нас от разорения, ты же сама чуть ли не спишь под этими кустами!

На самом деле такое было, и не раз.

– Интересно, чей это был гуань дао? – Выдыхаемый братом теплый воздух опустился на стекло капельками влаги.

– У него было красное лицо, – ответила я на вопрос брата.

– Гуань Юй? Ты шутишь?! Не придумывай, сестра! Не может это быть меч самого бога войны!

– А вот и может!

– Не может! – упрямылся он.

– Может! – Мы перестали сохранять тишину, увлекшись детским спором – кто крикнет громче, тот и прав. – В роду Чжоу были кузнецы! Вдруг это наши предки выковали генералу меч?!

– Об этом нигде не написано, сестра!

– Алая мантия знает больше, чем пишут в книгах! Она показала мне! И Фан мне верит!

– Фан? Ты его приводила сюда? Ты же знаешь, что отец вас высечет!

– Фан умный и не стал заходить в кузницу. Он верит, что артефакт мог принадлежать богу войны.

Лян Фан говорил, что я привязана к ним с братом ниточкой, может быть, даже красной, что соединяет человеческие судьбы раз и навсегда. Я не спорила. Фан был старше меня, выше и умнее. И он мне очень сильно нравился.

– Завтра пойдем за глиной к Янцзы, и я докажу вам, что

меч принадлежит не богу, а...

— Он принадлежит мне! — раздался отцовский рык за нашими с братом спинами. — Опять вы тут? Я запретил совать носы в саркофаг!

Размахнувшись прутом, что стояли у нас в каждом помещении дома, отец хлестнул меня дважды, пока брат пытался объяснить, что мы только смотрели на ящик и не трогали гуань дао, но голос ребенка не был услышан давно очерствевшим к младшей дочери сердцем (будто отец отдал на донорство его, а не почку).

Лупили всегда только меня одну. Даже когда Лян Фан пытался научить курицу летать, а ту схватил и унес ястреб, досталось за это мне. Лян Фан отбирал у отца хлыст, которым тот стегал меня, носясь по всему двору, пока я не укрылась под листьями Алой мантии.

Я слышала, как от боли вскрикивал Фан, когда получал хлыстом по рукам, но вопил в полный голос он только одно: «Не выходи, Шэнь! Прячься! Убегай!» В тот раз меня и Фана спас золотой шмель, залетевший отцу под рубашку, и пока он лупил самого себя, прогоняя насекомое, Фан протянул мне руку, и мы убежали в дом его матери, где мне позволили переночевать на гамаке в пристройке с инструментами и накормили ужином.

Юншэн, Фан и я много трудились в поле. Мы носились по золотым долинам рапса босыми ногами, гоняя пасущихся серых коз. Из-под наших ног взмывали к небу черно-золотые

пухлые шмели, и такое это было счастье увидеть на горизонте очертания мальчишек, пригнавших за мной на велике, — верного защитника Юншэна и его лучшего друга Лян Фана, любить которого я не переставала, даже став взрослее.

Даже зная о его подружках.

И после того, как он стал моим невыносимым начальником.

Всегда.

Никто не видел красную нить, связавшую наши души, рухнувшие в кольцо времени небесного шмеля. И до какого-то времени я тоже не могла понять, почему меня так тянет к человеку, который отказывается быть со мной?

Он боится?

Он меня не любит?

Он испытывает чувство вины, что не уберег моего брата?

Ответы я получу чуть позже.

Взрослая жизнь не вспоминает детских сновидений, а если оборачивается к ним, то грезы превращаются в кошмар, а кошмары — в явь.

В черно-золотых кольцах времени на шубке небесного шмеля где-то далеко осталось детство: велосипед Лян Фана, стадо серых коз, догонялки со шмелями, чайные кусты Алой мантии, которые тянулись ко мне всеми листочками, стоило оказаться на грядке... и даже Маофэн.

Я возненавидела богов за то, что они отобрали у меня брата.

А еще больше я возненавидела правду, которой у меня не было: кто убийца? Кто и почему он отнял брата?!

Расследовать дело, в котором нет ни мотива, ни улик, ни свидетелей, ни подозреваемых, пришлось с чистого листа, или с листочка чайного куста.

Пусть у меня не было земных улик, но были небесные: гуань дао, бусина дзи и чай.

Все эти артефакты были связаны со смертью Юншэна.

Бусина с иероглифами «Маофэн» знает ответ. Именно она пропала. Она была нужна убийце брата. Если я расшифровала древнюю надпись, то рано или поздно заполню пустую строчку с именем убийцы.

В тот момент я не знала, что на поиск правды уйдет две тысячи лет, а расплата за знание окажется убийственной.

Глава вторая

Связанные красной нитью

Время может быть клеткой. Но ключ всегда рядом, на тонкой красной нити сердца.

Отец и брат не разговаривали пять лет с того дня, как Юн-шэн покинул дом без отцовского благословения.

Мать была покладистой женой и делала все, что говорит

ей муж, но она перестала смотреть ему в глаза. Она подчинилась и не приближалась ко мне лишний раз. Не обнимала и не успокаивала. Не целовала и именем «Ан-Ан» не назвала больше никогда, а я больше не слепила из глины ни одного чайного божка, опасаясь, что отец снова отберет у меня даже кусок сухой глины, делающий меня чуточку счастливее.

Я не любила находиться дома с семьей, но идти мне было некуда, и чтобы есть горячую еду и спать на теплом кане — печной кровати, приходилось много работать и много молчать.

Отец никогда не говорил этого вслух, но я видела его взгляды, обращенные к земляной дороге, со стороны которой он ждал появления сына, а тот не приходил. Чтобы проводить больше времени под открытым небом, отец рубил бамбук и клеил зонты, покрывая их рисовой бумагой и маслом, — не намокающие ни под каким ливнем.

Этому знанию более трех тысяч лет — как и чем смазать бумагу, чтобы она не пропиталась влагой, чтобы отталкивала дождь. Порой мне казалось, отцу тоже три тысячи лет. Что он и я, как зонт и вода, — отталкиваем друг друга.

Возможно, боги сжалились над стариком и всеми нами. В последний день жизни Юншэна мы все увидели его, когда он явился внезапно и без предупреждения на пятидесятилетие отца. Я наблюдала за листочками Алой мантии, тянущимися к ступням брата, пока он шел по тропе и нес что-то огромное

и вытянутое у себя на плече.

Чайный куст желал то ли остановить его, то ли к нему прикоснуться. Юншэн прошел мимо, как обычно, ничего не заметив, а я выбежала на тропу и провела рукой по листочкам.

— Он дома, все хорошо!

Листья чая сложились треугольником и быстро-быстро замотали веточками из стороны в сторону.

— Что не так? — я обернулась на желтые окна дома, слыша радостные возгласы отца, — они рады, что брат приехал. Мы все помиримся! Отец даст благословение Юншэну на учебу, не бойся, — успокаивала я разбушевавшийся чайный куст, который то и дело переворачивал листья алой стороной, демонстрируя мне кровавый орнамент (тогда я еще не знал, что он точь-в-точь совпадет с тем, что окажется под разбитой головой Юншэна).

Брат окрикнул меня из приоткрытого окна, и я побежала в дом. Я скучала без него и не хотела, чтобы он решил, что болтовня с растением важнее встречи с ним.

Оказалось, что тот вытянутый предмет — подарок отцу. И не что иное, как... гроб⁸. Дарить гроб — это высший знак уважения и почтения.

В том гробу отец действительно похоронил *себя*. Вместе с телом брата была погребена душа отца, давно забывшего

⁸ Дарить в Китае гроб — знак уважения и почтения к возрасту. Так как цены на ритуальные услуги невероятно высокие, гроб в подарок принимают с удовольствием.

про второго ребенка.

Отец винил себя в смерти Юншэна.

Это он не благословил его на обучение в университете и переезд в город. Это он не разговаривал с ним пять лет и только на пятидесятилетие, когда отец изо всех сил скрывал, как сильно он ждет приезда сына, и когда прятал слезы, стоило тому показаться на проге, только тогда отец обнял своего наследника. Как обнимал он его, закрывая крышку гроба, отдав четыреста тысяч юаней⁹ за организацию похорон и покупку кладбищенского участка, земли для которого в Китае почти нет.

В рот брата отец вложил настоящую золотую монету, решив не использовать имитацию: глину или бумагу ради экономии, что не было запрещено. Отец делал все, чтобы в загробном мире его сын ни в чем не нуждался. Он сжег столько ритуальных денег, домов, драгоценностей, мобильных, часов, машин и одежды из бумаги, что теперь у брата всего в сто раз больше, чем было здесь – в мире людей.

Через год в день памяти отец сжег целый бумажный дворец в три метра высотой, картонный поднос с такой же картонной едой (брат частенько перекусывал чем-то подобным в забегаловке «Горизонт»). В огонь летели бумажные слуги, оборудование для подводного плавания, горные лыжи, постельное белье, ботинки, разрисованные в стиле известного

⁹ Более 5 млн рублей.

бренда... и только одну фигурку мать не позволила спалить.
– Остановись! – она преградила собой кострище, – это...
это...

Лоб отца блестел каплями пота, а грудь тяжело вздымалась:

– Проститутка это! – выдавил он. – Скоро я найду ему мертвую жену. А пока довольно и девки!

– Мертвую жену?.. – повторила мама и попятилась, пока я пряталась за углом, подслушивая и подглядывая.

На сжигание ритуальных денег¹⁰ отец и маму брать не хотел, но она просто шла за ним следом, пока он и пятеро нанятых в помощь людей тащили, а потом собирали дворец из ста помещений для брата, при жизни делившего комнатку в подсобке с четырьмя сотрудниками продуктовой лавки.

– Это не законно... это запрещено почти сто лет – женить на мертвых... Очнись! Сына нет! – пыталась она отговорить мужа.

– Он есть! Он в ином мире, жена. Его грезы¹¹ закончились, и он пробудился! – Отец швырнул картонную проститутку в яркой короткой юбке розового цвета в пламя. Оголодавший всполох лишил ее «одежды», а заодно «кожи» и «костей» за пару мгновений. – Он живет... там. И ему понадобится жена.

¹⁰ Китайцы сжигают ритуальные деньги, похожие на реальные банкноты, и поделки из бумаги в виде разных предметов, чтобы отправить их умершим родственникам в потусторонний загробный мир.

¹¹ Буддизм воспринимает мирскую жизнь как сон или грезы.

Я отправлю ему такую! Куплю и отправлю!

– Ты, – мама схватила руку за сердце, – скоро ты отправишь ему мать! Меня ты тоже сожжешь?

Такие похороны через кремацию оплачивались государством ради экономии земли, еще и выплачивали небольшое пособие семье.

– Ступай домой. Говорил остаться, нет же, увязалась!

– Так получилось, – кивнула она, – что я за тобой на привязи шла двадцать пять лет. Потерпи всего день и делай с поводком что хочешь.

Я вжалась в стену, когда по контуру моей тени юркнула тень матери. Она уходила прихрамывая, держась за плечо. На рассвете ее нашли на автобусной остановке. Без признаков жизни, без дыхания и сердцебиения.

Отец отправил ее к брату самым дешевым способом, как она и предполагала, путем сжигания, а прах развеял над морем. Правительство вернуло отцу половину зарплаты среднего по доходам ханьца¹².

Единственное, что хотелось сжечь мне, – криминальный отчет и заключение, в котором я дам брату ответ о том, кто его убил и за что.

Ни отец, ни мать, ни я... ни полтора миллиона служащих полиции этого не знали.

Брата нашли, лежащего лицом вниз. Его нос и рот были погружены в лужу крови. Правая рука вытянута над головой,

¹² Так себя называют сами китайцы.

кулак сжат, а в нем бечевка, на которой не оказалось отцовской бусины дзи.

Он выкрал бусину, когда приезжал на юбилей. Вероятно, кража (заимствование, по его мнению) артефакта была главной причиной приезда.

Я спрашивала про бусину Лян Фана, но он ничего не знал о причине любопытства брата и почему тот спустя пять лет вернулся за артефактом.

– Не бойся, Шэнь, – произнес Лян Фан то же самое, что всегда говорил мне в детстве, – я буду заботиться о тебе. Помнишь, как я говорил про нас?

Я кивнула:

– Что я ваша нить и вечно таскаюсь следом за тобой и братом как пришитая?

– Ты наша ниточка, на которой держится все. Дружба, воспоминания, давно ушедшее время, которое я никогда не забуду. Я обещаю, никто не обидит тебя. Я никуда не денусь, Шэнь-моя.

Этим именем с нежным окончанием «моя» называл меня только Лян Фан. Я никогда не спрашивала, почему он называл меня именно так, прибавляя еще два иероглифа: «мо» и «йа».

Мне нравилось быть *его*, хотя бы на словах.

– Ты найдешь убийцу брата, Фан? – Я уставилась на него, стараясь не моргать.

– Я начну свою службу с поиска убийцы. Сделаю все, что смогу, и никогда не перестану искать преступника.

Я посмотрела в небо, вслед исчезнувшему шмелю.

– Юншэн скрывал от нас что-то... Я не знала, как и чем он жил все эти пять лет, когда сбежал из дома.

– Он работал и учился.

– Он... изменился. Возмужал, погрузнел, но это не важно.

– А что тогда?

– Я знаю, когда врут, Лян Фан. Брат соврал мне. Он промолчал и не рассказал о чем-то важном. Кажется, он даже поверил в богов и начал читать те же книги, которые читала я, интересоваться историей Янцзы.

– Книги про пчелку?

– Про небесного шмеля, Лян Фан. Даже брал свиток по особому разрешению университета.

– Откуда ты это знаешь?

– Видела его фамилию и имя на библиотечной карточке. Он верил в науку, а не в магию. Но... в этом и была его тайна. Он что-то узнал. Поэтому пришел за бусиной.

– Иероглифы, – предположил Фан, – что, если он узнал, как их прочесть?

Фан не знал, что зашифрованное слово на бусине – «Маофэн», но я была не готова произносить таинственное слово, опасаясь, что на доли секунды меня снова швырнет в галактику пристанища небесного шмеля размером с Марс.

– А эти пчелы, то есть шмели, что они делают? Ну, по легенде? – поинтересовался Фан.

– По легенде... Черно-золотые кольца на их шубке – это кольца времени. Они меняются то благими событиями, то печальными. Шмели могут даровать перерождение души. Если убить шмеля, то весь мир вокруг исчезнет. Все наше прошлое, настоящее и будущее. Как будто нас никогда не было. И таких шмелей может быть миллиарды, столько же, сколько мы видим звезд.

– А шмелей можно убить?

– Никто не знает как, но если это случится, то, что видишь, что было или будет, никогда не наступит для тебя.

– В школе перед контрольной я иногда хотел, чтобы завтра не наступило! – Фан дернул уголком губ, и мне не удалось понять, поверил он мне или воспринял шмелей как миф.

Опустив глаза, я тихо прошептала:

– Я бы хотела, чтобы не наступило сегодня. Чтобы длилось вечное вчера, – я обернулась к плантации чая, – когда Юншэн был жив.

Лян Фан подошел ближе. Он был высоким, и я не поднимала голову, но судя по звуку его голоса, он опустил подбородок, чтобы видеть меня. Если я подниму глаза, наши взгляды встретятся. Что я и сделала, вспомнив, как Юншэн не боялся бороться за свое счастье. Подняв взгляд к Лян Фану, я подошла к нему вплотную, разве что крыло шмеля могло проскользнуть между нами. Солнце давно село, и осле-

пить меня могли только серебряные нити луны.

– Мне... нужно время, – прозвучали слова Лян Фана.

К чему они относились? К расследованию смерти Юншэна? Или ему нужно время, чтобы решиться на поцелуй? Может, все куда банальнее и он говорил о кольцах времени небесного шмеля, о минутах, которые он не хочет потерять?

Лян Фан не мог не чувствовать и не знать, что нравится мне, и то, что в детстве он всегда пытался быть рядом, давало надежду, что наше притяжение взаимно, но еще ни разу он не сделал первого шага в ответ на тысячи моих шагов.

Только «отдавливал» мне ноги фразочками, как сейчас, заставляя отпрыгнуть от него подальше:

– Я привез тебе пакет глины с Янцзы. Оставил под кустами Алой мантии. Понимаю, это самый неудачный момент для глины и для...

– Удачное кольцо времени, Лян Фан, может никогда не появиться. Рано или поздно тело шмеля закончится.

«И останутся только жало и попа», – но подобную фразу произнести, глядя в глаза парня, я не решилась. День, вечер, ночь и целый следующий год и без того были отравлены ядом.

Разгневанная, я заявила в храм Красного сверчка. Мы приходили сюда вместе с Юншэном сразу после юбилея отца, оставляли подношения богам.

– Это бог войны. – Я ткнула в статуэтку сурового божества

с красным лицом. – Его зовут Гуань Юй. Он совершил множество подвигов, был в плену, его предавали, но даже враги уважали его за честность, верность слову, силу, ум и любовь к простым людям. После смерти ему начали строить храмы и приносить подношения. Он защитит тебя, Юншэн. Он был генералом, а ты собираешься стать полицейским.

– Пусть лучше он защитит тебя, сестренка. Я справляюсь сам.

Мы стояли возле алтаря, слушая стрекот тысячи сверчков. Удивительно, что храм находился в городе. Откуда здесь столько насекомых, никто не знал, но все стены внутри постройки обжили красные жучки.

Мы смотрели прямо перед собой, но я не сдержалась и повернула голову к брату.

– Ты грустишь, – произнесла я без вопроса. – Хорошо, что ты навестил отца. Он был рад подарку... хоть это и гроб.

– Это... не из-за отца. – Он не стал признаваться, почему провел целый вечер без настроения.

– Ты здоров?

– Да, не переживай. Все хорошо. Фан напоминает мне, когда есть и спать. И как он все успевает? И учиться, и с девушками гулять.

– С девушками? Их что, много?.. – Для меня и одна особа в статусе подружки Лян Фана была перебором.

Или Фан считал меня слишком маленькой для свиданий, пока мне пятнадцать, или я стрекотала не на той звуковой

волне, и какая-то другая жучиха вскружила ему голову (надеюсь, она не окажется богомолем и не сожрет моего Лян Фана).

Брат продолжал расхваливать друга:

– Лучше всех на курсе, но сам никогда не зубрит. Он станет гением сыска, вот увидишь. Он раскроет такие преступления, которые никто до него не смог.

– Лучше я буду смотреть на тебя и гордиться тобой, гэгэ¹³!

– Прости, что редко бываю дома, Шэнь, – улыбнулся он.

– Ты сделал для меня достаточно. Я все время работаю с чайными кустами, как-то раз даже уснула на земле... листья меня словно накрыли и убаюкали.

– Этот чай тебя любит. Тебя одну и больше никого.

Я улыбнулась:

– Хоть кто-то.

– Береги время, Шэнь! Не трать его зря.

– Юншэн... – меня удивил его тон, а если добавить символичность подарка отцу и его отрешенное меланхоличное состояние, можно было подумать, он... – ты, что? Уезжаешь?

– Уезжаю?

– Даешь напутствия старшего брата. Это все твой преподаватель? Как его? Милз? Он уговорил тебя на стажировку?

– А, нет... конечно, нет! Милз отличный преподаватель, но ты не волнуйся, сестра. Я останусь здесь. Мы с Лян Фаном поступим на службу в городской участок полиции, уже на-

¹³ Обращение к старшему брату в Китае, аналог нашего «братец».

значено собеседование на следующий день после вручения дипломов. Наверное, – Юншэн огляделся, – сверчки сегодня поют, как в деревне... целый день вспоминаю, как мы гоняли серых коз и шмелей.

Он вытащил кошелек из внутреннего кармана пиджака и заплатил за связку лотосов.

Кое-что увиденное внутри его портмоне впервые за вечер согрело меня.

– Мы трое, в поле... И козы! – Я тукнула пальцем в фотоснимок в пластиковом окошке портмоне.

На фотографии пятнадцатилетние Юншэн и Лян Фан стояли по обе стороны от меня десятилетней. Снимок светился неуловимым счастьем, тем секретным светом, который способно излучать одно лишь детство. Как бы тяжело в нем ни было, запомнилось только хорошее: сверчки, шмели и серые козы в бесконечном золоте цветущего рапса.

– Хороший был день, – согласился брат. – Я очень люблю эту фотографию.

– Нужно сделать такую же, когда вам с Фаном вручат дипломы. Я в центре, и вы справа и слева. Теперь вам уже по двадцать. Будет здорово сравнить тогда и сейчас.

Произнося «сейчас», разум заволокло мурашками, будто кусочками стертой ластиком надписи с бумаги, будто никогда никакого «сейчас» с нами уже не случится.

Я возложила лотосы к ногам статуи Гуань Юя, моля его в мыслях о помощи для брата, о защите и даровании ему

спокойствия на душе.

– А это кто? Рядом с Гуань Юем? – спросил Юншэн.

– Ее имя Му Синь. По легенде, она была жрицей и дипломатом – объединяла храмы и священнослужителей. Ее произвели в генералы, как Гуань Юя. Но они между собой не ладили. Про Му Синь тяжело найти книги, чтобы пробраться сквозь вымысел к правде. Она вроде бы и генерал, но что-то там натворила, совершила какой-то промах, ошибку, и ее перестали почитать.

– Натворила? А что?

– Она стала причиной какого-то жуткого и напрасного сражения с Гуань Юем. Это было недалеко. – Я махнула рукой, показывая направление. – Возле реки Янцзы. Тогда погибло множество воинов с обеих сторон. И погибли они напрасно.

– Почему? В чем была причина сражения?

– Никто не знает, брат, – пожала я плечами. – В книгах почти не пишут про Му Синь. Ее словно бы стерли.

– Недалеко от Янцзы? Нашей золотой реки, где на скалах два одинаковых храма друг напротив друга?

– Ну да. Прямо там. Представляешь, две тысячи лет назад там сражались Гуань Юй и Му Синь.

– Неужели они не ладили настолько, что стали врагами?

– Говорю, непонятно, что произошло на самом деле. Что-то... что потомки боялись вспоминать и попытались сделать вид, что ничего не было.

– Боялись, а богиней ее сделали. Вот ведь статуя!

– Их всего несколько по всей стране, которые сохранились. В конце концов, Му Синь была искусной воительницей, это правда. Я обязательно разыщу нужные свитки и узнаю, что она натворила или сотворила возле Янцзы и почему они с Гуань Юем позволили умирать воинам из-за них двоих.

– Элементарно, – усмехнулся брат, – это была любовь.

– А?

– Ну да, забудь. Рано тебе про такое.

– Мне пятнадцать! А еще, нет и нет. Мне не рано, и любви между Гуань Юем и Му Синь не было!

– Сама сказала, что нет свитков про Му Синь и никто о ней ничего не знает!

– Ну я... – крыть мне было нечем, но и поверить в то, что забытая всеми богиня была избранной отважным генералом, не укладывалось у меня в голове.

– Гуань Юй не выбрал бы себе в пару такую, как Му Синь. К тому же она была женой императора. У них не было шанса. Слишком разные слои общества!

– Шанс есть всегда. И слой общества неважен, – отрезал Юншэн со знанием дела.

– Сам откуда знаешь?

– Потому что взрослый. А ты еще девочка-подросток.

– Ну да, половина девочки, помню.

– Нет, не половина. – Он развернул меня к себе. – Ты больше. В два раза. Помнишь, как ты читала по листьям чая?

Я и сейчас продолжала так делать.

– Детское воображение и больше ничего. – Я прикинулась рациональной и тоже чуточку взрослее, чем он помнил.

– Знаешь, я хотел сказать, что верю.

– Во что?

– В то, что ты видела искры над чаем, что листья тебе что-то говорят, и в то, что артефакты с неба... Отец не просто нашел их в земле. Кто-то послал их, кто-то хотел таким способом помочь.

– Ну... артефакты помогли отцу.

– Нет, – речь Юншэна стала быстрее, – не ему, а тебе.

– Мне?

– Да, Шэнь, тебе. Я все больше думаю о дарах. В последнее время они не выходят у меня из головы. Случайно попался свиток в университете. Он лежал на одной из парт. Я взял его и хотел отнести в библиотеку, а пока шел, прочитал первые строки. Ну и... не смог его вернуть. Забрал в общежитие и выучил от корки до корки.

– Свиток? Про что?

– Он был о демонах, и там было про гуань дао.

– Но... чайное семечко, меч и бусина... брат, для чего эти артефакты нужны именно мне? Я не знаю никаких демонов! – теперь отшутиться пробовала я.

– Сама сказала, что они – улики. Значит, ты поймешь, мэймэй¹⁴.

¹⁴ Обращение к младшей сестре в Китае, аналог нашего «сестренка».

– Ты станешь полицейским, а не я! Вот сам и понимай, гэгэ!

– Я... пытаюсь... разгадать слова на бусине.

Сверчки храма запрыгали против часовой стрелки, из-за чего у меня закружилась голова. Странные вещи творились со мной в стенах этого храма. Так было всегда, но я всегда возвращалась, чтобы увидеть Гуань Юя и попросить у него защиты для Юншэна и Лян Фана.

Мы с Юншэном обернулись.

Иглы длиной по десять цуней¹⁵ торчали из головы монаха своеобразной короной или лучами. Длинные и плотные, острые на концах. Я читала о нанесении раскаленным металлом круглых шрамов. Когда монах достигает особого статуса очищения сердца, у него бывает пять или шесть шрамов. Десятью настоящими, а не поддельными шрамами обладает человек пять на всю страну. У монаха, который не шел, а словно плыл к нам по полу – бесшумно и не производя никаких заметных движений ногами, на голове остались не только шрамы, но и тот самый металл, которым они наносятся.

Монах был седым и старым. На поясе его терракотовой кашаи¹⁶ с длинными рукавами висел бурдюк, похожий на высушенный желудок быка или лошади. От напитка или от служителя храма повсюду распространялся аромат горького меда.

¹⁵ Чуть больше тридцати сантиметров; 1 цунь = 3,3 см.

¹⁶ Традиционное одеяние буддийских монахов, так же называемое цзяша.

Пики на его голове походили на топорщащуюся шкуру ди-кобраз.

— «Слово», — произнес монах, глядя на Гуань Юя, а не на нас с братом — нарушителей тишины. — Вовремя разгаданное или сказанное слово призовет и тех, и других. И богов, и демонов. Но услышат они только истинный зов сердца. Вот тогда, — мы удостоились ледяного взгляда из-под испещренных морщинами кратеров-век монаха, — они явятся к вам.

На плечо монаха прыгнул крупный, увесистый красный сверчок, размером с кулак. Таких огромных я не видела даже на рынках, где торговали боевыми жуками. Насекомое водило длинными усами, уставившись на меня глазищами, и мне показалось, улыбнулось ртом... ну или чем там «улыбаются» сверчки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.